

Юнлэ и Лефэн вместе с двумя сопровождающими неспешно поднимался по облачной лестнице Аурихалкского храма. По обе стороны переплетенных в узоры облачных ступеней расстилались бескрайние и чистые небесные просторы. Аурихалкский храм возвышался на вершине громоздившихся слоями облачных круч, купаясь в лучах яркого утреннего солнца. Вдалеке, к востоку от храма, смутно доносился шум рыночной толчеи: там располагался пограничный базар различных племен и царств крылатого народа, где торговцы из разных земель покупали и продавали товары, занимаясь меновой торговлей. Если присмотреться, можно было смутно разглядеть облачные ладьи, на которых туда-сюда ездили купцы. Далеко к западу от храма лежал утопавший в облаках Облачный Город Фэнхуан. В последнее время облачные испарения стояли превосходные, и весь Облачный Город был укутан белыми облаками и легкой дымкой, лишь местами в просветах едва проступали островерхие красные и золотые пагоды.

На облачной лестнице то и дело попадались прохожие: одни, как и Юнлэ, шли своими ногами, другие же неспешно ехали верхом на Ночных Пегасах, отпустив поводья. На всем протяжении лестницы сновали люди, было очень оживленно. Юнлэ был облачен в темно-зеленый пушистый плащ, полностью скрывавший его голову и лицо, и шедшие рядом спутники могли разглядеть лишь серебристые длинные пряди, выглядывающие из-под края накидки — пожалуй, кто-нибудь мог бы принять его за глубокого старика.

На самом деле Юнлэ был первым серебряным павлином, появившимся в Династии Павлина за последние несколько тысяч лет. Старый король был светло-серым, а королева — серо-белой, и никого из них нельзя было назвать чистокровным серебряным павлином. Младшие же братья и сестра Юнлэ были либо синими, либо зелеными, и среди них не нашлось даже единого белого. Однако Юнлэ вовсе не гордился этим. Его наставник полагал, что серебристый цвет был единственной причиной, по которой Юнлэ не мог пользоваться энергией демонов теней. Глядя, как другие используют арканную магию и повелевают порожденными во тьме чудовищами, Юнлэ неизменно испытывал некоторую утрату и зависть. В особенности это касалось принца Ую и Лефэна, который был способен одновременно призывать и контролировать двух Кровавых Демонов Теней! К тому же его арканная магия ни в чем не уступала магии Юнлэ.

Это ставило Юнлэ в крайне неловкое и тягостное положение. Он был старшим сыном, законным наследником Династии Павлина, но его магическая энергия некогда стала предметом всеобщих пересудов по всей стране. Слухи о том, что король желает сделать наследником престола Ую, ходили повсеместно и не утихали. Не считая благосклонности и поддержки Аурихалкского храма, перед лицом Ую Юнлэ практически не имел никаких преимуществ.

Но сейчас и обстановка в Аурихалкском храме стала весьма щекотливой: Племя Воронов и Племя Орлов стремительно набирали силу, и за последнее десятилетие эти два племени взяли на себя едва ли не подавляющее большинство храмовых поручений. К тому же из-за споров вокруг руды Оуцзинь союз Племени Журавлей и павлинов оказался под угрозой. Племя Журавлей уже несколько раз прямо ответило отказом на просьбы павлинов о помощи, и доверие храма к павлинам пошатнулось.

Все это легло тяжким грузом на плечи Юнлэ. Старый король слег с болезнью и уже много лет не занимался государственными делами. Каждый раз, когда Юнлэ заводил с ним разговор о текущих делах, тот неизменно проявлял рассеянность: будь то народное благосостояние или политика, он попросту ленился отвечать — куда большими страстями он пылал к алхимикам,

искусно составлявшим магические зелья. Королева благоволила второму принцу Ую, не желая ни принуждать короля к досрочному отречению, ни позволять ему назначать наследника. Положение Династии Павлина в храме ее не волновало и было ей совершенно безразлично.

Одолеваемый тяжелыми мыслями, Юнлэ повернул голову и бросил взгляд на шествовавших позади спутников. Бэйгэ Леин и Лигэ Чжужэн занимали посты левого и правого генералов Небесной Стражи. Бэйгэ был необычайно худ, носил козлиную бородку, облачался в свою излюбленную синюю мантию и не расставался с синими перчатками; его глубокие черные глаза казались вечно погруженными в какую-то невыразимую меланхолию. Лигэ был высок, но не точен в кости, крепок, но не огромен, лицо его обрамляла густая окладистая борода, брови сходились домиком, а в глазницах вращались два стеклянных шарика-глаза; он никогда ни с кем не встречался взглядом, а его глаза вечно бегали туда-сюда, так что при разговоре с ним было совершенно непонятно, слушает ли он вообще.

Эти два генерала служили правой и левой руками принца Юнлэ, пройдя с ним через огонь и воду. Они покрыли себя неувядаемой славой при истреблении гарпий на Горе Хуанчао и подавлении мятежа Племена Дапэнов. У Бэйгэ было собственное мнение насчет вопроса о престолонаследии: — Будете ли вы наследником или нет, вы обязаны выполнить возложенную храмом задачу. Мы не можем утратить доверие храма. Выживание Династии Павлина важнее императорского трона. Лигэ же кипел от праведного гнева и при одном упоминании принца Ую воспламенялся яростью: — Если трон перейдет ко второму принцу, даже если храм не станет вмешиваться, династия неминуемо рухнет.

Юнлэ находил доводы обоих генералов вполне здравыми.

Хотя сам он не жаждал трона, он вовсе не желал, чтобы Ую унаследовал верховную власть. По сравнению с этим честолюбивым младшим братом, Юнлэ куда больше хотел бы передать престол своему младшему брату Жохуаню. Но Жохуань был слишком юн: в своем человеческом облике он являл собой всего лишь семнадцати-восемнадцатилетнего юношу. Интерес к истории крылатого народа занимал его куда сильнее, чем изучение магии. Он предпочитал провести весь день за чтением толстых фолиантов в библиотеке, нежели отправляться в храм для тренировок в своем неуклюжем искусстве. С неизменно простодушным видом он принимался рассказывать Юнлэ тайну нирваны фениксов, повествуя о тех легендарных птицах, что сорвались из света во тьму. Каждый раз во время беседы он с непреклонной уверенностью изрекал Юнлэ изречение, которое почитал за истину; в последний раз он поклялся ему: — Тьма всегда идет рука об руку со светом. Без света нет и тьмы.

От этого у Юнлэ нестерпимо раскалывалась голова, однако поделать он ничего не мог: король смотрел на него свысока, полагая слишком хилым, слабым, чтобы поднять меч, и неспособным совладать с врагами с помощью магии, человеком без единой унции силы в руках; королева третировала его как слишком незрелого, неспособного ни упорядочить ритуалы и наставлять народ в учении на гражданском поприще, ни установить законы и вершить суд на военном, вдобавок считая ученого книжника совершенно бесполезным; аристократия игнорировала его, находя лишенным как талантов к государственному управлению, так и полководческого мастерства, а потому абсолютно ничтожным; простолюдины и вовсе не замечали, почитая человека, который ни разу не проявил сострадания к народным нуждам и не просветил ни единого края, но и не занимался грабежом и выжиманием из народа соков, лишней спицей в колеснице. Даже Бэйгэ и Лигэ питали к нему изрядную долю предвзятости. Бэйгэ называл его

простодушным и наивным, Лигэ — ребячливым, и в целом оба не слишком-то в него верили. Впрочем, из любого правила бывают исключения: Ую всегда пристально следил за этим младшим братом, и с его языка не сходила одна фраза: — Когда бьются пенивница и кулик, выигрывает рыба. Острая стрела в тени страшнее прямого меча на солнце.

Когда человек погружается в глубокие раздумья, он либо теряет способность идти, либо идет так, что забывает дорогу.

— Шляпа, — нахмурившись, Бэйгэ легко тронул Юнлэ за плечо. — Твоя шляпа.

— Что с моей шляпой? — опешил Юнлэ.

— Мы уже пришли в Аурихалкский храм, — с досадой и смешком произнес Бэйгэ. — Если не хочешь, чтобы стражи Оуцзинь пустили в ход оружие, снимай-ка ее скорее.

Юнлэ издал удивленное ах, рассеянно вскинул голову и сдернул головной убор. В конце облачной лестницы Аурихалкского храма возвышалась крутая Платформа Сметающих Облака. Белоснежные ступени платформы уходили круто вверх, и по обе стороны от них не было ничего, кроме плывущих клочьев облаков. Посередине ступеней выстроился ряд статуй банши возрождения. Выше пояса эти банши являли собой изящных и прекрасных дев с венками из живых цветов на головах, а ниже пояса — могучих благородных оленей. Каждая из них выглядела невероятно радостной, словно жизнь была бесконечным, безудержным празднеством, которое можно расточать без счета.

Стоило подняться на платформу, как вокруг почти не осталось ни единого представителя крылатого народа. Простолюдины вовсе не смели ступать в Аурихалкский храм. На самой платформе уже несли службу стражи Оуцзинь. Все они были отлиты из руды Оуцзинь, достигали в высоту трех-четырёх чжанов и походили на башни из чистейшего аурихалка. Рубиновые глаза стражей издали заметили Юнлэ, и они вскинули правые руки в приветственном жесте — так выказывали особое уважение тем, кто обладал храмовыми титулами.

Аурихалкский храм поражал своей исполинской величиной, и каждая ступень достигала шести-семи чи в высоту. Колонны у входа в главный зал возвышались почти на тридцать чжанов каждая. Всякий раз, ступая под сень этих колонн и поднимая взор на высеченные на них узоры из пламени и изваяния фениксов, Юнлэ чувствовал себя ничтожным, словно муравей. Слева от главного зала вела лестница на второй этаж храма. Юнлэ однажды получил дозволение подняться туда и взглянуть — там громоздились мириады яиц фениксов. Каждое было покрыто толстым слоем пепла. Одни окутывала пелена теней, другие полыхали языками пламени. На втором этаже имелось бесчисленное множество окон и дверей, и каждую охраняли маги Оуцзинь.

Маги Оуцзинь также были отлиты из аурихалка, но им придали человеческий облик. Они облачались в мантии из искусно сплетенных нитей оуцзинь, шелка и хлопка, увенчанные разноцветными коронами из самоцветов. При виде Юнлэ почти каждый маг распаивал свои сапфировые глаза, и в каждом взгляде читались суровость и настороженность.

Справа от главного зала тоже уходила вверх лестница, ведущая в каменную тайную комнату под основанием храма. У входа кружили несколько львов и кошек Оуцзинь. Юнлэ никогда не спускался в тайник, и ходившие о нем слухи ходили самые разные: одни утверждали, что это сокровищница, где хранятся бесценные реликвии, собранные Аурихалкским храмом за тысячелетия; другие — что там сокрыты тайны, касающиеся нирваны фениксов; третьи верили, что это книгохранилище, где берегут высочайшие тайны магии Империи Феникса.

Сам же Юнлэ полагал, что внутри таятся лишь две вещи: соблазн и опасность.

По обе стороны главного зала плотным строем тянулись огромные колонны, точь-в-точь такие же, как у входа, и на каждой был вырезан филигранный золотой феникс. На самом верху главного зала горделиво возвышался Трон Феникса. Весь трон был вырезан из ствола Золотого Дерева Тун. Каждое столетие на стволе вырастал новый золотой лист. Ныне оба конца трона были обвиты извилистыми, мощными ветвями, густо усыпанными золотой листвой.

Владык Империи Феникса ныне восседал на троне, подперев щеку рукой и погружившись в глубокие думы. За эту тысячу-другую лет все прошедшие через нирвану фениксы по-прежнему оставались в яйцах. Во всей империи теперь насчитывалось всего два феникса. Один отринул пламя и перешел в форму теней, почти не показываясь людям. Другая же стала Королевой Фениксов, что правила Аурихалкским храмом и Империей Феникса, одиноко восседая на троне из дерева тун.

Королева Фениксов являла собой самое ослепительное создание во всей империи, и никто никогда не видел ее в облике пламени. Она казалась человеческой женщиной лет двадцати с небольшим. Кожа ее напоминала лед и снег, волосы — золото, телосложение отличалось пышностью и полнотой, а облачена она была в неизменно роскошную магическую мантию оуцзинь. Позади трона на коленях замерли ее слуги-дриады с обнаженными плечами и босыми ногами, подпоясанные лишь короткими юбками из листьев тун.

Эти дриады едва достигал пяти чи в росту, их головы были лишены волос — вместо них зеленели лишь листья да мох. Они вели себя тихо, редко переговариваясь друг с другом и передавая любые мысли едва ли не одними взглядами. Однако недооценивать этих дриад не стоило: все имперские указы и распоряжения подписывались и обнародовались именно ими. Летающие Орлы Оуцзинь принимали из их рук царские повеления, разнося их по всем уголкам империи.

Войдя в храм, Бэйгэ и Лигэ опустились на колени прямо посередине зала. Юнлэ подошел к трону, опустился на одно колено и почтительно поприветствовал королеву. Королева кивнула ему, знаком разрешая подняться: — Ты прибыл вовремя.

— Вы никогда прежде не вызывали нас в столь ранний час, — слегка согнувшись, Юнлэ не сводил глаз с лица королевы. — И я никак не могу взять в толк причину вашего вызова.

Королева задумчиво кивнула: — Верно. До начала утреннего доклада еще далеко. Ныне в царствах царит полный мир, и по идее в особом вызове нет нужды.

Юнлэ нахмурился, молча глядя на королеву. Та легко улыбнулась, и стоявший рядом дриада поспешно протянул чашу с полусухим медовым вином. Королева взяла чашу, но не пригубила ее, лишь легонько поглаживая ладонью дно: — Я долго размышляла. И в конце концов решила поручить это дело тебе.

Юнлэ тут же снова опустился на колени: — Служить империи — великая честь для нас, павлинов.

Королева кивнула, вглядываясь в его глаза: — Несмотря на многое случившееся в последнее время, в моем сердце ты остаешься тем, кому я доверяю больше всего.

— Ты знаешь, что с самого моего восхождения на престол во всем роде фениксов больше никто не возродился в нирване. Новорожденные фениксы неизменно остаются лишь яйцами, — королева вздохнула. — Я велела тебе подняться на второй этаж. Старые яйца опутаны густой тенью, новые — обвиты пламенем. Но ни те, ни другие не выказывают намерения расколоться.

— Мой муж, ваш предшественник на троне, ныне вступил в завершающую стадию формы теней и тоже вот-вот обратится в яйцо, — голос королева звучал все более уныло. — Боюсь, он вновь не пройдет через нирвану.

— Ваше Величество, бытжды дело всего лишь во времени, — попытался утешить ее Юнлэ. — Как только придет срок, все разрешится само собой.

— Но у меня больше нет времени! — королева внезапно рассмеялась и осушила чашу с полусухим вином до дна. На ее спине медленно распахнулась пара золотых крыльев. Самое верхнее перо на одном из них наполовину прозрачное, источало легкое синеватое свечение.

— Я тоже начала переходить в форму теней, — королева хоть и сжала губы, но улыбка ее не сулила ничего доброго. — У меня лишь один ребенок. Но он все еще яйцо.

Сердце Юнлэ забилося в бешеном ритме: он прекрасно понимал, что это значило. Он даже не смел помыслить о последствиях.

— Если все фениксы останутся лишь яйцами, Империя Феникса рассыплется прахом, — королева швырнула кубок дриаде. — Дриады и стражи Оуцзинь способны удерживать лишь Аурихалкский храм. Все царства постепенно выйдут из-под контроля храма. Спустя столетия страны погрязнут в войнах и смутах. Одни царства падут, другие станут гегемонами. Распря не будет конца. И так до тех пор, пока феникс вновь не явит себя. Исчезновение феникса принесет многим царствам неисчислимые бедствия. Множество представителей крылатого народа погрузится в пучину боли и отчаяния. Если же фениксы исчезнут на слишком долгий срок, наше Древо Жизни неминуемо зачахнет. Стоит Древу Жизни увянуть, как весь Мир Утун начнет искажаться и в конце концов рухнет и обратится в прах. Все царства падут вместе с Миром Утун. И никому из живущих не удастся спастись.

<http://bllate.org/book/21187/2145318>